

Перцев Владимир Владимирович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры математического анализа и элементарной математики ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина», г. Елец

mr.vladimir.pertsev@yandex.ru

Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления гимназического образования в России второй половины XIX – начала XX века.

Ключевые слова: гимназия, дореволюционное образование в России.

В середине XIX века ориентация на Запад стала веянием времени [1, с. 169]. В университетах работало много приглашенных европейских профессоров, которые нередко читали лекции на иностранных языках (как правило, латинском или немецком). Поэтому знание языков для учащегося гимназии было необходимым условием для дальнейшего обучения. Вторая половина XIX века характеризуется как время великих реформ, основными моментами которых явилась отмена крепостного права, возрастающая роль земств и частной инициативы в создании среднеобразовательных школ. Начало царствования Александра II связано с подготовкой и проведением ряда реформ: крестьянской, судебной, военной, школьной. В 1856 году Министерство народного просвещения поручило Ученому комитету Главного управления училищ пересмотреть устав гимназий и училищ 1828 года [2, с. 15].

30 мая 1858 года утверждено положение о женских училищах ведомства министерства народного просвещения, а 10 мая 1860 года изменено. Открывались женские учебные заведения двух типов: училища II разряда – типа начальной школы, и I разряда – типа неполной гимназии. Училища I разряда имели шестилетний курс обучения и изучали Закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, физику, географию, естественную историю, историю, чистописание, рисование, рукоделие, и дополнительно – новые языки, танцы, музыку, пение [3, с. 19]. Как отмечается в словаре «Россия»: «Женское образование, до тех пор доступное лишь небольшому числу девушек, и притом преимущественно дворянского сословия, делается доступным для большинства, становится всеобщим и распространяется по всей России...» [4, с. 389]. Таким образом, в деле развития среднего женского образования Россия даже опередила Францию, в которой государственные женские учебные заведения стали открываться лишь с 1880 года [5, с. 210–211].

В 1861 году в связи с пересмотром университетского устава Министерство народного просвещения поставило на обсуждение вопрос об официальном «допущении» женщин к слушанию курса в университете и о предоставлении им права подвергаться испытанию ученой степени. Большинство университетов поддержало эти предложения. Против выступили только Московский и Дерптский университеты. Аргументируя свою точку зрения, Совет Московского университета отмечал, что «совместное со студентами слушание профессорских лекций лицами женского пола не должно быть допускаемо ни под каким предлогом потому, что оно может иметь вредное влияние на успешный ход занятий молодых людей» [6, с. 520–521]. Дальнейшее обсуждение этого вопроса в министерских кругах не привело к положительным результатам. А в следующем году приказом военного министра женщинам было запрещено посещать лекции и в Медико-хирургической академии [7, с. 182].

Лишенные на родине доступа к высшему образованию, русские женщины вынуждены были поступать в зарубежные университеты, преимущественно швейцарские. Среди них были Н. П. Суслова, первая русская женщина-врач, получившая звание доктора медицины, хирургии и акушерства, выдающийся математик С. В. Ковалевская, сестры Фингер [8, с. 183]. С каждым годом росло число русских женщин в заграничных университетах. В 1871–1872 годах в Цюрихском университете из 31 слушательницы 21 была из России, а в 1873 году число русских студенток в Цюрихском университете и Политехнической школе возросло уже до 108. Встревоженное массовым отъездом женщин за границу, правительство вынуждено было задуматься об организации специальных высших женских курсов университетского типа.

Либеральные тенденции эпохи отмены крепостного права отразились в деятельности Министерства народного просвещения, возглавляемого А. В. Головниным (1861–1866). С его именем связана разработка нового Устава гимназий (1864 год) [9, с. 38], утвердившего принцип всеобщей школы [10]. Появлению школьного Устава 1864 года предшествовала обстоятельная четырехлетняя работа ученого комитета министерства. Перед утверждением проект устава был опубликован в печати, с целью вызвать его широкое обсуждение¹. Главные изменения, касающиеся гимназий, по сравнению с проектом 1860 года заключались в разделении гимназий на два типа – классические и реальные, в еще большем усилении значения педагогических советов, в разделении общеобразовательных учебных заведений на три разряда: народные училища, прогимназии и гимназии [11, с. 21]. При разработке устава А. В. Головнин руководствовался, прежде всего, зарубежным опытом построения системы народного образования: возникшие в Германии в начале XIX столетия реальные гимназии к 50-м годам получили равноправное признание в системе образования наряду с классической средней школой [12, с. 109–125]. Однако все правовые привилегии (за исключением тех, которые относятся к отбыванию воинской повинности) были первоначально сохранены за классическими гимназиями, предоставлявшими свободный доступ в университет.

Вокруг реального и классического образования в Германии тоже велись жаркие споры, противников и сторонников было немало с обеих сторон. Противники реального образования усматривали опасность именно в том, что естествознание и математика придают реальным школам более специальный характер, чем это допустимо в «общеобразовательной школе». Основным аргумент, который приводили сторонники классического образования заключался в том, что «средняя школа, открывающая молодым людям доступ в университет, должна была быть чужда всякого специального или утилитарного характера; она должна служить общему развитию человеческого духа, должна формальным, главным образом, развитием ума подготовить юношу к восприятию высшей и чистой науки, какая культивируется в университетах вообще и в германских в особенности» [13, с. 10]. Сторонники реальной школы, наоборот, утверждали, что положительное знание содержит в себе наиболее мощные средства для развития молодого ума.

Устав 1864 года [14, с. 215] предусматривал учреждение трех типов гимназий:

- классической – с двумя древними языками.
- классической – с одним латинским языком.
- реальной – без древних языков.

¹ Проект был напечатан в «Журнале министерства народного просвещения», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московских ведомостях».

Согласно проекту народные училища выделялись в качестве отдельной школы, которая совершенно не связана с гимназией [15, с. 17]. Проект не предreshал, какое число гимназий будут иметь «классический» и какое – «общий» курс: это должен был показать опыт. В первых главное внимание уделялось преподаванию классических языков – латинского и греческого. Во вторых упор делался на точные и естественные науки.

По этому Уставу все гимназии делились на классические и реальные с семигодичным курсом обучения. Заложенное реформой 1864 года разделение гимназий на классические и реальные, тем не менее, ставило обучавшихся в них в неравные условия. Окончившие классическую гимназию принимались в университет без экзаменов, а окончившие реальную гимназию могли поступать в высшие специальные учебные заведения и на физико-математический факультет университета [16, с. 19–20]. Для поступления в университет реалистам необходимо было закончить дополнительный курс латинского языка [17, с. 150].

Обучение в гимназии оставалось равным 7 лет, а в прогимназии 4 года [18, с. 256]. Проект устава не только допускал, но и приветствовал учреждение частных гимназий. Только двум условиям обязательно должен был отвечать желающий учредить гимназию: быть русским подданным и иметь образование, дающее право на звание домашнего учителя [19, с. 174]. Прогимназии должны были заменить реальные училища, их курс соответствовал курсу низших четырех классов гимназий.

Как отмечает Е. П. Белозерцев, реформа 1864 года демонстрирует весь спектр заданных европейской педагогикой вариантов: классические (филологические) гимназии с греческим и латынью, гимназии переходного типа с одним древним языком, наконец, реальные гимназии совсем без таковых. При этом гимназии получают почти совершенную автономию от министерства и пользуются полнейшей самостоятельностью в отношении кадровых вопросов [20, с. 361].

14 апреля 1866 года на место министра народного просвещения был назначен граф Д. А. Толстой (1866–1880). И новый министр сразу же выдвинул проект реформирования средней школы. Предполагалось создание двух типов школ:

- гимназий, где большая часть учебного времени отводилась грамматике древних языков;
- реальных училищ, призванных готовить к торгово-промышленной деятельности.

Перед реформированием школы Д. А. Толстой затребовал от попечителей учебных округов мнения об уставе 1864 года, которые были подытожены в статье «Мнения и соображения попечителей и попечительных советов учебных округов о применении устава гимназий и прогимназий 14 ноября 1864 года» в апрельском номере журнала за 1867 год. По итогам открытой дискуссии, в которой в том числе учитывались пожелания родителей и учащихся, было решено преобразовать реальные гимназии в реальные училища. Причем следует отметить факт, что собственно к началу реформы 1871 года реальных гимназий в России насчитывалось всего 9 [21].

30 июля 1871 года был утвержден новый устав гимназий и прогимназий. Устав признавал лишь классические гимназии с двумя древними языками. В 1871 году была утверждена новая, хотя и не сильно измененная программа классических гимназий [22, с. 228]. «Основными предметами признаются древние языки и математика; им и уделено наибольшее количество времени... Уменьшено число уроков по Закону Божию, истории, естествоведению, чистописанию, черчению и рисованию» [23, с. 527]. Был введен штат классных наставников, добавлен 8-ой год обучения (7-ой

класс разделен на два года), утверждены единые программы, единые правила испытания. 15 мая 1872 года был принят «Устав реальных училищ» [24, с. 156].

В целом, характеризуя реформы 1866–1871 годов следует отметить, что еще с советских времен сложился негативный образ Д. А. Толстого, который по привычке поддерживают и многие современные исследователи истории отечественного образования. Реформы Толстого изгоняли «из системы среднего образования прогрессивные начала, которые под влиянием общественно-педагогического движения 60-х годов проникали в практику школы и были частично отражены в Уставе 1864 г» [25, с. 310]; «Реформы» Толстого [26, с. 273]; «Мракобес и вдохновитель реакции» [27, с. 63], – отмечают советские исследователи. «Ух, строгий был министр» [28, с. 83]; «На смену прогрессивно настроенному А. В. Головнину пришел Д. А. Толстой» [29, с. 65] – вторят ему современные...

При прочтении этих строк возникает впечатление, что с уходом Головнина российское образование погрузилось в «темное царство». Критиковали Толстого даже за то, что учебные планы были заимствованы из традиционно классических немецких гимназий [30, с. 20–22]. Обвинение это звучит применительно к Толстому довольно странно, поскольку это же обвинение можно было с тем же правом применить и к Головнину, построившему реальные гимназии в России по европейскому образцу и немецким учебным планам.

Если же рассмотреть деятельность Толстого без предвзятости, то окажется, что, несмотря на его «суровые реформы» в средней школе, им вовсе не было принято никакой «реакции» в высшей. И самый либеральный и свободный университетский Устав 1863 года, провозглашавший «университетскую республику», остался в бытности его министром неизменным. Более того, именно при Толстом фактически берет свое начало высшее женское образование. 1 ноября 1872 года открылись Московские высшие женские курсы. Чуть позже, в 1876 году, открылись Казанские высшие женские курсы, в 1878 году – Киевские и знаменитые Бестужевские высшие женские курсы в Петербурге [31, с. 64].

Основное обвинение, предъявляемое Толстому, состоит в упразднении им реальных гимназий, что, по мнению советских исследователей, отбросило российскую школу чуть ли не на сто лет назад. Но если учитывать, что на момент проведения им реформы в России оставалось всего девять реальных гимназий, которые с большой натяжкой можно назвать системой реального гимназического образования, то сразу возникает вопрос, является ли их упразднение действительно важным событием, тем более что фактически функцию реальных гимназий стали нести реальные училища.

Выпускники реальных гимназий никогда не имели равных прав с выпускниками классических гимназий и при Головнине. Суть «толстовских» реформ состояла в преобразовании реальных гимназий в реальные училища, причем выпускники реальных училищ согласно Уставу обрели те же права в отношении поступления в высшие учебные заведения, что и выпускники реальных гимназий: «Ученики, окончившие курс учения в реальных училищах и дополнительном при оных классе по какому-либо из его отделений, а также лица, имеющие свидетельства о знании этого курса, могут поступать в высшие специальные училища, подвергаясь только проверочному испытанию» [32, с. 75]. Устав 1871 года предоставил классической гимназии монополию доступа в университеты. Реалистам предоставлялось право поступать в высшие технические училища.

В бытность министра графа И. Д. Делянова (1882–1898) оба типа средней школы, классическая гимназия и реальное училище, начали постепенно сближаться друг

с другом [33, с. 646]. К началу XX века выпускников реальных училищ стали принимать на физико-математические и медицинские факультеты университетов, в учебных заведениях усилилось преподавание новых языков [34, с. 703]. За сравнительно небольшой промежуток времени – первые десять лет царствования Николая II – Министерство народного образования возглавляли граф И. Д. Делянов (до 1897), тайный советник Н. П. Боголепов (1898–1901), генерал П. Н. Ванновский (1901–1904), тайный советник Г. Э. Зенгер (1903–1904), генерал Глазов (1904–1905) [35, с. 72]. При такой частой смене министров дело обновления и устройства русской школы проходило не столь быстро и эффективно.

Конец XIX – начало XX века – период непрекращаемых споров вокруг будущего средней школы. Задуманная А. Н. Шварцем в 1908 году реформа, предусматривающая единый тип среднеобразовательной школы – гимназию, была снята с обсуждения в 1910 году следующим министром Л. А. Кассо. В 1913 году в Государственную Думу было внесено законодательное предложение об установлении преемственности между начальной и средней школой через высшие народные училища и открытия доступа в университет лицам, окончившим курсы реальных училищ наравне с абитуриентами гимназии; но оно также не получило реального воплощения в жизнь. 9 января 1915 года министром был назначен Игнатьев, началась работа по сбору материалов о системах образования во Франции, США и Англии. Однако из-за нападок на Игнатьева он 28 декабря 1916 года был уволен с должности, и с его уходом реформы были остановлены. Февральская революция 1917 года подвела черту гимназическому образованию в России [36, с. 23–25].

Как отмечает Н. Ф. Никольцева, весь последующий период после Устава 1871 года вплоть до февраля 1917 года вопрос о коренном реформировании народного образования неоднократно обсуждался как в правительственных кругах, так и в прессе. «И все ограничивалось отдельными мероприятиями» [37, с. 171]. Вместе с тем русская гимназия начала XX века оставалась вполне жизнеспособной. Как отмечает М. В. Богуславский, «тот мощнейший культурный, образовательный потенциал, который несла в себе школа начала века, по сути, будет питать всю русскую культуру, ее лучших представителей на протяжении последующих десятков лет. Люди, которые успеют окончить классическую гимназию до революции, затем будут выглядеть настоящими титанами культуры. Они будут свободно знать два–три языка, прекрасно разбираться в мировой и отечественной литературе» [38, с. 6].

Одним из показателей качества получаемого в гимназии образования было то, что русским выпускникам гимназии было довольно легко продолжать свое образование в европейских странах. По данным, приводимым профессором Института российской истории РАН А. Ивановым, [39, с. 50] каждый седьмой российский студент получал высшее образование в Западной Европе: «Наиболее притягательными для российской молодежи были университеты, особенно германские, пользовавшиеся среди других европейских учебных заведений самой высокой научно-педагогической репутацией. Так, в 1907–1908 учебном году русские здесь составляли 38% (1 469 чел.) от числа всех иностранных студентов (3861 чел.) В 1912 году только в одном Берлинском университете обучались 553 русских студента, что составляло 43% всех обучавшихся в нем иностранцев (1300 чел.). Из Французских университетов популярнейшей была парижская Сорбонна. Например, в 1911 году здесь обучались 1,6 тыс. русских. В 1907–1908 учебном году в пяти университетах Швейцарии состояли 2 тыс. студентов из России или 41% от всех обучавшихся там иностранцев (6,2 тыс. чел.)» [40, с. 53–54].

На февраль 1914 года российская молодежь обучалась в 246 высших учебных заведениях Европы. Надо думать, что такая статистика имела в своей основе сложившуюся и хорошо устоявшуюся в дореволюционной России практику получения высшего образования в Европе.

Ссылки на источники

1. История педагогики. Часть 2. С XVII в. до середины XX в. / Под ред. А. И. Пискунова. – М.: ТЦ «Сфера», 1997. – 304 с.
2. Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины 19 в. – М.: Учпедгиз, 1954. – 303 с.
3. Егоров А. Д. Гимназическое образование в России (исторический очерк). – Иваново, 1990. – 96 с.
4. Мижухев П. Г. Исторический очерк развития учебного дела в России // Энциклопедический словарь «Россия». – СПб., 1898. – С. 389.
5. История педагогики. Указ. соч.
6. Замечания на проект общего устава императорских Российских университетов. – СПб., 1862.
7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Отв. редактор А. И. Пискунов. – М., 1976. – 600 с.
8. Там же.
9. Ганелин Ш. И. Указ. соч.
10. Смотров И. В. Становление и развитие гимназического образования в России в XIX – начале XX вв. (на материале Саратовской губернии): дисс. ... канд. пед. наук. – Саратов, 2003. – 232 с.
11. Ганелин Ш. И. Указ. соч.
12. Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. – СПб., 1899.
13. Борель Э. О реформе преподавания математики в средних учебных заведениях Франции и Германии. Элементарная математика. Ч. I. – Одесса, 1911.
14. Из письменного указа Правительствующему Сенату об уставе и штатах гимназий и прогимназий. (19 ноября 1864 г.) // Сборник документов «Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге (XIX – начало XX века)» / Сост. Н. Ф. Никольцева. – СПб., 2000.
15. Ганелин Ш. И. Указ. соч.
16. Егоров А. Д. Указ. соч.
17. Сборник документов «Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге (XIX – начало XX века)» / Сост. Н. Ф. Никольцева. – СПб., 2000.
18. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (1864 г.) // История педагогики в России. Хрестоматия / Сост. С. Ф. Егоров. – М.: Академия, 2000. – 482 с.
19. Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. 19 в. – М., 1954. – 312 с.
20. Белозерцев Е. П. Образование: историко-культурный феномен. Курс лекций. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 704 с.
21. Рудаков В. Е. Реальные училища // Энциклопедия Брокгауза и Эфрона в 86 томах. – Мультимедиа-издательство «Адепт». – Электрон. опт. диск (DVD-ROM).
22. Из Устава гимназий и прогимназий – об их целях, правах и обязанностях учащихся 30 июня 1871 г. // Сборник документов «Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге (XIX – начало XX века)» / сост. Н. Ф. Никольцева. – СПб., 2000.
23. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902.
24. Сборник документов. Указ. соч.
25. Смирнов В. З. Указ. соч.
26. Там же.
27. Ганелин Ш. И. Указ. соч.
28. Цирульников А. М. История образования в портретах и документах. – М.: Академия, 2000. – 167 с.
29. Жуков В. И. Университетское образование: история, социология, политика. – М.: Академический Проект, 2003. – 384 с.
30. Егоров А. Д. Указ. соч.
31. Жуков В. И. Указ. соч.
32. Устав реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения (15 мая 1872 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872. – № 6. – С. 75.
33. Рождественский С. В. Указ. соч.

34. Там же.
35. Глухов А. Г. На рубеже веков (1895–1905) // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 72–78.
36. Егоров А. Д. Указ. соч.
37. Сборник документов. Указ. соч.
38. Богуславский М. В. XX век российского образования. – М., 2002. – 336 с.
39. Иванов А. Российское студенческое зарубежье: численность, мотивы, миграции, профессиональные ориентиры // Вестник высшей школы. – 2003. – № 7. – С. 50–54.
40. Там же.

Pertsev Vladimir,

Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor at the chair of mathematical analysis and elementary mathematics Yelets State University, Yelets city, Lipetsk region.

mr.vladimir.pertsev@yandex.ru

Gymnasium education in pre-revolutionary Russia: second half 19th - the beginning of 20th centuries

Abstract. Paper is devoted to the history of gymnasium education in pre-revolutionary Russia second half 19th - the beginning of 20th centuries.

Keywords: gymnasium, education in pre-revolutionary Russia.

ISSN 2304-120X

9 772304 112013 5

0 1

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»